

Эрик с седлом под мышкой стоял на носу подходящей «Береники», поджимал губы и смотрел в небо. При этом еще качал головой, и я понял, что он будет разговаривать со мной очень холодно.

Я принял трап, он слез, вручил мне мешок с продуктами, и мы молча пошли вверх по дороге. Ружья и седло он нес сам — обижался. Эти ружья я забыл на «Беренике», когда мы с Антоном забрасывали на метеостанцию все наше снаряжение. Мое, Эрика и Антона. Все вещи сгрузил, а ружья стояли для лучшей сохранности в рубке у капитана, а не на палубе, я их и позабыл. И Антон не напомнил. Хорошо, что капитан, вернувшись в поселок, зашел к Эрику, хорошо, что Эрик был дома. Теперь вот Эрик приехал, а мне еще ему одно неприятное известие надо было сообщить.

— Знаешь, тут еще такая неудача произошла. Антон попросил коня съездить в Паспалык.

Эрик смотрел перед собой, все время перехватывая седло с потником, и стремяна позванивали о стволы ружей.

— Уронили коня?

— Ну, в общем, Антон не на брод почему-то поехал, а по мостику стал коня проводить, и тот сорвался. Порвал о железяку пах.

— А как ты дал ему коня, если это не твой конь?

— Поэтому и дал, как я могу запрещать или разрешать ездить на казенном коне. Я же не начальник. Кто-то все равно туда должен был ехать, я или он. Я заседлал, все проверил.

— Он его привел назад?

— Привел.

Не доходя до Димкиного дома, где я остановился, мы бросили вещи на дороге и пошли смотреть коня. Рахат был привязан около ручья, где была хорошая трава, тень, ну и вода. Его задняя нога была вспорота с внутренней стороны от скакательного сустава до паха. Это его, кажется, не беспокоило — он уверенно наступал на больную ногу, когда я его провел несколько раз туда и сюда. Эрик смотрел и качал головой.

Потом мы сели в тени и наблюдали за конем, как он переходил на привязи, выбирая траву. Он был даже доволен, по-моему, — если бы не рана, его бы не стали привязывать на такое хорошее место.

— Это Женьки Вахотина конь, на него записан. Женька с нас голову снимет. Как же ты все-таки разрешил Антону ехать, если он ни черта не сообщает? Сам бы съездил.

— Он просился очень. Я же не начальник, как я могу запретить? Если бы ты здесь был, ты бы и запрещал.

— Ну а теперь наш поход накрывается. Других коней же нет.

— Батыр еще есть, Бардак, Монгуш.

— Бардак не патрульный. Нам никто его не даст.

Рыжий конь ходил по яркой траве, его шерсть отблескивала на солнце. Иногда он мордой отгонял от подмышек слепней. Посередине морды, от лба до носа проходила белая полоска. На лбу, где у лошадей волосы закручиваются, белое пятно расширялось. Это был лучший патрульный конь — он хорошо ходил и по камням, и по болоту, его тело было длинное, грудная клетка огромная.

Антону было труднее, чем мне. Он был напрямую виновен, а я — косвенно. Правда, потеря ружей добавляла мне вины,

но все-таки... Антон улыбался, пожимал плечами и в который раз повторял: «Я же не знал, я привык по мостику ходить».

Мы по очереди мочились на разорванную ногу Рахата, смазывали рану дегтем. Жевали какую-то траву и привязывали. Повязка слезала.

Приехал Женька Вахотин, делал вид, что относится ко всему спокойно. Трепал коня по шее и успокаивал то ли его, то ли себя. Ветеринар из Бирючи никак не появлялся, и мы проводили дни в ожидании.

Потом, на третий или четвертый день, приехала эта алтаечка — ветеринар, осмотрела начавшую желтеть рану и сказала забить коня на мясо.

— Давайте не сегодня, — попросил Женька, и мы прождали еще один день.

Димка Топляков, у которого мы жили, на самом деле только рад был, что лишний день у него на метеостанции пробудут гости. К вечеру он опять притащил свежей полевой клубники, сварил молодой, очень мелкой картошки и устроился на своем чурбачке послушать народ, а иногда и слово вставить. Женька ушел в темноте еще раз перевязать Рахата на свежую траву, и Димка со своим смешным казацким превосходством стал рассказывать:

— Он его ласкает, и зря. Скотина, которую жалеют при убое, и умирает-то тяжелее. Если хозяин сам режет, то жалеет — она и бьется дольше. — Димка чуть щурил один глаз и, опершись локтями в колени, глядел на свои сапоги. Получался очень опытный вид. — Он, Женька, тот год корову собрался колоть — вывел ее на берег, вставил ей в ухо ТТ свой и выстрелил. Она оглохла, конечно, и мычит так. Он — второй раз. Я шел мимо, говорю, Женя, говорю, дай я тебе покажу, как делается. Вынимаю нож из сапога, так раз — и все. Говорю, что, мол, мучить ее пистолетом?

— Вы коня испортили, вы и стреляйте его, — сказал Эрик нам с Антоном. — Я не буду.

Назавтра Эрик встал мрачный и стал чистить свой карабин. Мрачный оттого, что, дескать, навешивают на него работу, которая только ему и по силам, остальные все — нюни. А что ему стоило дать мне карабин? Если б дал, то пришлось бы мне стрелять. Просто мы все немного выделялись друг перед другом.

Попили чай, а потом пошли к берегу. Женька сунул мне повод Рахата.

— Значит, я ждать буду за мысом на лодке. Как застрелите, я подъеду разделывать.

Я повел коня за Эриком, который с карабином уже спускался по дороге к озеру, а за нами плелся Антон. Конь по-прежнему почти не хромал, но ветеринарша сказала, что пошло заражение. У маленького ручейка Рахат остановился и стал пить, а мы смотрели на его морду. Он всю дорогу останавливался схватить лишней раз траву, и я не мог дернуть его за повод. Тогда я сказал грубым голосом Антону: «Веди сам» — и пошел вперед. А то все эти дни он как будто заискивал перед конем и перед нами.

Мы вышли на прибрежную гальку и пошли вдоль воды. Здесь коню было тяжелее идти, но все равно он шел красиво. Травы не было, поэтому он поднял голову и не отвлекался по дороге. Я поймал Эрикову собаку и, усевшись на камень, стал держать ее за шею, чтобы после выстрела она не стала рвать Рахата.

Они прошли мимо меня, и я глядел, как спокойно шагает конь. Я смотрел почти с удовольствием, как будто впервые увидел, как он идет. Никогда так не любовался лошадьми, я ведь даже почти не могу отличить плохую лошадь от хорошей. Я не специалист в этом, но Рахат, который шел туда, где его застрелят, был очень красив. Копыта стаканчиками, твердые, темные, идет, как девушка на носочках. Уходит. И ноги свои ставит четко так.

Озерная вода чуть плескалась в гальку, волн вроде не было, а так только вдруг немного всплескивало, и под копытами камешки скрипели и разъезжались. Антон понурый шел, Эрик его уже ждал у большого выброшенного на берег дерева и курил.

Они его привязали к бревну. Эрик чуть отвел к воде, сам отошел. А Антон уже около меня оказался, сел поближе и туда же уставился. Собака крутилась в руках и, вывертывая морду, старалась облизать меня в щеки. Эрик загнал патрон в ствол, еще немного отошел. Потом прицелился тщательно и выстрелил.

Антон сразу отвернулся, а я смотрел, не отрываясь, и видел, как пуля выбила красную пыль из головы коня. Треск пробежал

по всей воде, глухо взорвался еще раз на противоположных склонах и укатился куда-то. Сучка взлаяла и забилась у меня в руках, стараясь вырваться и принять участие в охоте.

Эрик сел на бревно, и мы все смотрели, как Рахат, отпрянув к воде, стоит и напрягает задние ноги, чтобы не упасть. Но все-таки оступился, завалился задком на бок и замер. Передние ноги еще упирались в землю, голова была поднята, и веревка туго натянута.

Что-то долго мы уже смотрели. Надо было или коню умирать, или Эрику выстрелить еще раз, а они как будто ждали друг друга. Потом конь уперся передними ногами и, подтянувшись на поводе, встал, чуть потряхивая головой. Эрик выстрелил еще раз и опять ждал, пока конь уронит голову в воду.

Из-за мыса вырулил Женька, увидел поднятую голову Рахата и развернулся обратно. Мотор умолк.

Почему я никогда не видел, какая красивая шея, рыжая лебединая, нет, оленья шея у этого коня. Или для этого необходимо, чтобы конь уходил, чтобы шея поддерживала простреленную голову, иначе не будешь смотреть так пристально, впитывая в себя каждое движение, каждый всплеск воды, каждый выстрел и паузы между ними. Паузы, разрывающие звуки и разделяющие движения.

Рахат опускал голову и немного передыхал, потом опускал еще чуть ниже и передыхал снова. Когда он уже коснулся подбродком воды, Эрик выстрелил третий раз.